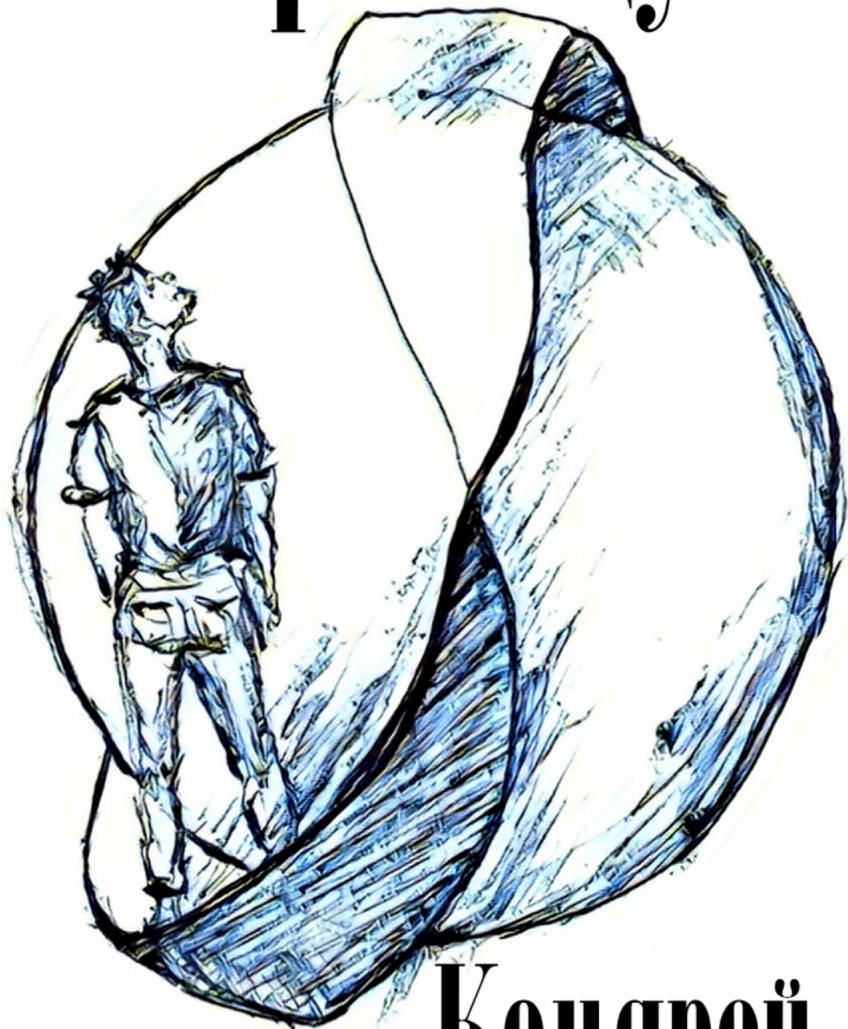

За границу

Кондрей
Андращенко

Кондрей Андратенко

За границу

Издательские решения
По лицензии Ridero
2019

УДК 82-3
ББК 84-4
А65

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Андраченко Кондрей

А65 За границу / Кондрей Андраченко. — [б. м.] : Издательские решения, 2019. — 66 с.
ISBN 978-5-0050-0248-8

Люди вокруг могут об этом бесконечно говорить и уезжать или говорить и не уезжать, но сам ты будешь слушать об этом вполуха и задумываться лишь изредка. И вдруг, без всякого предупреждения, приходит осознание: все, что ты собирался здесь сделать, ты сделал, и нет никакого смысла оставаться. С этого момента и начинается путешествие за границу.

УДК 82-3
ББК 84-4

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0050-0248-8

© Кондрей Андраченко, 2019
© Julia Kniksen, иллюстрации, 2019

*Стоящему на цыпочках долго
не простоять.
Идущему большими шагами далеко
не уйти.
Демонстрирующий себя —
не просветлен.
Считающий себя правым —
не очевиден.
Кичащийся собой не имеет заслуг.
Заносчивому не стать
властителем.
Дао дэ цзин.*

I. За границу

В какой-то момент я понял, что мне пора за границу.

Люди вокруг могут об этом бесконечно говорить и уезжать или говорить и не уезжать, но сам ты будешь слушать об этом вполуха и задумываться лишь изредка. И вдруг, без всякого предупреждения, приходит осознание: все, что ты собирался здесь сделать, ты сделал, и нет никакого смысла оставаться. С этого момента и начинается путешествие за границу.

Вопрос перемещения за границу может быть решен мгновенно, одним днем — берешь билет в одну сторону — и поминай как звали. А можно собираться, собираться, да так и не уехать, во всяком случае, в здравом уме и трезвой памяти.

Держат обычно накопленные блага, привычки, родственники, друзья. Первых с годами все больше, вторых все меньше. Ну и, конечно, держит цель всей жизни, ради которой родился, воспитывался, учился, работал, заводил семью, развивался. Чем сложнее эту цель сформулировать, тем сложнее принять решение отправиться за границу.

Я решил не спешить, но и сильно не затягивать. Путешествовать относительно налегке. Все, что у меня было, переписал родне. Каждый в тот момент хотел получить что-то мое, а обрел что-то свое.

Машину я забрал. Она мне еще пригодится, но только до того места, где еще можно пользоваться машиной.

На закате я отправился в путешествие.

Передо мной лежал большой город, скоростная

трасса и пробки, в которых я мог бы быть предоставлен своим мыслям, если бы не попутчики. Я не очень люблю попутчиков, но это было обязательным условием путешествия.

День первый

Уже стемнело, когда я выехал из города. За городом машин поубавилось. Дорога была прекрасна.

В машину сели молодые люди. Поехали, говорят, не обидим. Вели странные пустые речи про житье-бытье свое. Говорили они в основном о своих выходках, чуждых пониманию интеллигентного человека. За короткое время я был погружен в темы изъятия денег у доверчивых людей, коллективного решения накопившихся вопросов на природе, отдыха с употреблением алкоголя в завершение выполненных дел. Услышанные мной рассказы были переполнены обценной лексикой, и я еле дождался выхода попутчиков. Покинули меня, улыбаясь, бросив на прощание: «Ну что, обещали не обидеть — не обидим, бывай». Вся эта клоунада была устроена одной цели ради — не заплатить за поездку. Да я и не ждал.

В машину села молодая девушка. Одного взгляда хватило увидеть в ней беглеца. Беглеца от всего, что вокруг, и самой себя. С порога она начала рассказывать о своей замечательной жизни: доме богатом, муже хорошо, делах успешных. Я не спрашивал, только видел, что жизнью она побита и рисует свой образ

из какой-то чужой, подсмотренной жизни. А сейчас говорит и говорит без умолку, чтобы пробежать после десятичасовой смены через магазин, дойти без сил до кровати, упасть рядом с дочерью и уснуть на несколько часов. Дай бог, как говорится, дай бог.

Следом подсел молодой человек лет тридцати и сразу же, как только машина подпрыгнула на яме, начал «за политику». Рассказал, как в его городе администрация ворует и совсем не выполняет предвыборные обещания, что вместо того, чтобы асфальт положить нормальный, поставили еще один памятник горожанину, без которого никто и не вспомнил бы о городе. И автобусы нормально не ходят, и если бы не попутки, до дома не добраться. Голос его срывался на повышенные тона. И рассказывал он, как раньше было лучше, а сейчас все разворовали и растащили. А глава администрации ездит на машине, купленной на деньги, сворованные на строительстве дороги. Поток речи молодого человека прервался на выходе. Да уж, незавидное будущее у города, граждане которого пребывают в таком настрое.

После сел мужчина в потертом пиджаке и засаленных брюках. Точнее, сначала в салоне расположился запах спирта, а затем и он сам. Начал рассказывать, что он артист драматического театра. Что нет нормальной работы у хорошего артиста, а только в новогодние праздники хорошо быть Дедом Морозом и приносить детям радость. Извинился и пытался отхлебнуть из пу-

зырька, спрятанного во внутреннем кармане, но в рот упали последние капли. Собирался уснуть, прислонившись к стеклу, да организм потребовал добавки, и мужчина вышел прямо на красном свете светофора. Я открыл окна, потому что начал хмелеть от запаха.

Следом сел мажор в модной одежде, с громкой бумкающей музыкой в наушниках. Мажор был разодет, как огромная рождественская конфета, сошедшая с обложек гляцевых журналов. Как говорится, выглядел на миллион. Вполне возможно, так оно и было. Глаза его скрывались за темными очками, хотя время шло к полуночи. Несмотря на звучащую в наушниках музыку, он говорил по телефону так громко и манерно, что я невольно прислушался. Он рассказывал о жизни в своем районе, о том, что он достаточно известен сам и знаком с известными людьми, и все дамы, едва его завидев, мечтают им обладать, а сегодня он при деньгах, и сперва нужно обязательно съездить в ночной клуб, а потом уже продолжить вечеринку дома. Он говорил с разными интонациями, стиль его речи менялся, и было непонятно, говорит он с разными людьми или с одним собеседником, а может, вообще говорит в выключенный телефон с кем-то воображаемым.

Когда он меня покинул, день подходил к концу. Я съехал от больших городов на федеральную трассу. Ехать ночью не было смысла. За сносные деньги я снял первый попавшийся мотель. В цену входили банные процедуры.

Вообще, водные процедуры — это самая важная часть пути: можно смыть с себя всю смертельно накопившуюся усталость. Прекрасно, если они сопровождаются процедурами, заставляющими по-новому бежать кровь. Но предложение звучало слишком навязчиво, и я благоразумно от него отказался, принял еле-еле идущий душ и уснул.

Ночью сквозь сон я слышал за дверью всхлипывание и шуршание. Кто-то пытался открыть мою дверь. Но она была предусмотрительно подперта стулом.

День второй

День второй начался с обнаружения кражи. Я недо считался документов на машину и всего того, что в ней оставил. Велика ли потеря для того, кто отправляется за границу?

Не было никаких сомнений в том, кто это сделал. В бардачке я не обнаружил бутылки виски. Неподалеку от входа, прислонившись к сараю, в очень расслабленном состоянии качался на стуле сын хозяйки. Не было никаких сомнений, кто выпил бутылку и пытался проникнуть ко мне ночью.

Когда я собирался уезжать, пришла хозяйка мотеля и сказала, что я должен за проживание, так как не смог расплатиться накануне. Конечно, я был уставшим, но не настолько, чтобы не помнить, что расплатился. Было видно, что хозяйка скандальна, приготовилась к серьезному бою, и ее сынок сидел поодаль не просто так. Рядом с ним лежал обрезок трубы для окончательного решения возникших вопросов. В том числе и для выяснений обстоятельств ночной кражи. Я отдал сумму чуть большую, чем хотела хозяйка, отблагодарил за прекрасный ночлег, приветливо помахал поднимающемуся с обрезком трубы сыну и тронулся дальше. Видимо, это были самые легкие деньги, когда-либо до-

ставшиеся хозяйке, поэтому она поколебалась, но отступила от машины.

В зеркало заднего вида я увидел, что началась перепалка, сыну достался подзатыльник, а что было дальше, скрылось за поворотом.

На дороге у сломавшейся машины голосовала судья. Она очень просила подвезти ее в суд по «делу всей ее жизни». Машина и костюм судьи были непрезентабельны, и можно было сделать вывод, что «дело всей ее жизни» должно исправить это положение. Судья нервничала, металась, даже погрызла ноготь, отчего становилось очевидно, что разум ее в смятении относительно исхода дела. Я высадил судью, не доезжая сотни метров до здания суда, у кофейни, и пошел за кофе. Судья поколебалась и тоже решила взять кофе с собой.

В кофейне разыгралась молчаливая сцена. За сдвинутыми столами сидела большая семья, включая стариков и детей. Все шумели и о чем-то громко разговаривали. За столом оставалось пустое место для главы семьи. Когда мы зашли, семья смолкла, и в кафе повисла тишина. Семья смотрела на судью, судья смотрела на семью. Видимо, они встретились чуть раньше, чем нужно было, и не в том здании. Я взял кофе и поехал дальше.

В машину запрыгнули две дамы, спешащие на работу. По дороге они успели перемыть кости всем сотрудникам, соседям и звездам всех мастей. Обсудили новый гардероб секретарши, стремительный взлет карьеры

юриста и свои планы по пресечению этого безобразия; были и упоминания о сальных выходках начальника. У меня голова начала звенеть, как улей. Создавалось впечатление, что дамы обсуждают план боевых действий на день, и не позавидовал бы я тому, кто ждет от них работы. К счастью, они скоро вышли.

Вышел и я — размяться и подкрепиться, благо как раз рядом был торговый центр. У его входа я попал на ярмарку тщеславия: импозантная дама рассказывала о своем новом бизнес-курсе по улучшению личностных качеств. Любой зевака, остановивший на ней взгляд, был очарован, одурманен, схвачен и выдоен до последнего рубля. Она начинала говорить с человеком — и мгновенно находила его слабые места: робким она обещала уверенность, слабым — храбрость, одиноким — любовь, больным — здоровье, глупым — мудрость. Никто не уходил обиженным и обделенным. К счастью, я остался незамеченным, ну или она не посчитала необходимым удостоить меня своего внимания.

У павильона с одеждой разразилась драма. Он и она. Он спросил, не много ли она накупила. Она закатила в ответ настоящий скандал, за две минуты превратившись из человека в мегеру. Началось все с того, что он не дает ей ничего себе купить, хотя она имеет право и сидит целыми днями с ребенком, она превратилась в домработницу, света белого не видит и отдала лучшие годы своей жизни ему, а теперь — имеет право.

И нужно было уезжать в теплые страны, как предлагал другой, а не все вот это. Какой-то конец концов отношений.

А он стоял и слушал, потом швырнул пакеты, которые были у него в руках, на пол и отвесил ей смачную пощечину, отзвук которой прозвучал, как лопнувший шар. В повисшей тишине мужчина развернулся и ушел, женщина осталась сидеть на полу с раскрытым ртом.

В магазине я взял хлеб, вино, сыр, сигареты. По привычке вино положил за пазуху, набил карманы конфетами. На выходе из магазина, в переулке, где стояла машина, на мгновение мелькнула тень. Чем ближе я подходил, тем ощутимее тянуло холодом из переулка. Когда я подошел к машине, я отчетливо почувствовал на себе колючий взгляд. Вместо того чтобы сесть в машину, я завернул в переулок и, не отводя взгляд, протянул пакет с продуктами в темноту. Из тени высунулась рука, забрала пакет и исчезла. Холод и напряжение спали.

Вниз по улице спускалась вереница детей и взрослых в пестрых одеждах. Дети оттеснили меня от машины, а самая старшая цыганка заговорщицки подмигнула и сказала:

«Вижу твое прошлое, настоящее и будущее, позолоти ручку, все о тебе расскажу!»

Дети стояли с вытянутыми руками и верещали.

Из кармана я вынул горсть чупа-чупсов и отдал

детям. Дети попрятали угощения и отбежали разворачивать конфеты. Цыганка пыталась схватить меня за руку, но я жестом остановил ее и вложил ей в руку магазинную сдачу, поблагодарив и отказавшись от услуг.

Сел в машину и поехал дальше.

На выезде из города я серьезно ошибся. Две девушки, которых я посадил, оказались не теми, за кого я их принял. Они вынули какие-то таблетки из разноцветных оберток и запили их алкоголем. Девушка на переднем сиденье пыталась все время об меня тереться и жарко дышать мне в ухо, девушка на заднем — обшаривала машину в поисках, что бы спереть. В зеркале заднего вида я заметил черный БМВ сразу после того, как девушки сели.

Ситуация накалялась, девушкам едва ли было по шестнадцать. Они слились в долгим страстном поцелуе. Первая развернула очередной фантик и попыталась засунуть его содержимое в меня. Безрезультатно. Тогда она попыталась закинуть на меня свою ногу, но неловко задела подстаканник со всякой всячиной. Из подстаканника вылетела красная корочка с золотыми буквами и гербом. Видимо, в тот момент, когда судья копалась в сумке, удостоверение выпало. Девушка отдернула ногу и подняла удостоверение.

«До трех лет за те таблетки, которые у вас, и чуть больше за то, что вы пытаетесь меня ими накормить. До шести лет вашим друзьям на черном БМВ», — сказал я.

На лицах девушек стало проступать понимание происходящего. В тот момент, когда блаженство сменялась сосредоточенностью, а затем и ужасом, я добавил: «Или вы выходите прямо сейчас», — и резко остановил машину.

Девушки пулей вылетели из машины и побежали к подъехавшей черной БМВ. Я потихоньку поехал дальше, БМВ развернулась и поехала обратно.

В последнем городе моего путешествия на центральной площади собрался народ. Приехавший депутат говорил о предстоящих выборах и рассказывал о своей предвыборной программе. Если верить его повествованию, то этот неказистый городишко сразу после его выборов должен обрасти кисельными берегами, по высохшему руслу побежит молочная река, обанкротившиеся заводы восстанут с новой силой и рабочими местами, а вместо развалившихся каруселей должен появиться Диснейленд с героями русских сказок, не меньше.

Центральный щит около сцены оповещал: «Хороший мужик!», а рядом со щитом наливали всем желающим. Люди пили, крикали, говорили, что действительно хороший мужик, но не напивались. Рядом была закуска, и охрана смотрела, чтоб желающие не подходили слишком часто. Победа мужика в городе была обеспечена.

Кандидат тут же в палатке проводил ряд рабочих встреч: с представителями профсоюзов, с инвесторами, с главами районов. Выделялся мужчина, чудом

прорвавшийся на встречу. Он неуверенно мямлил шапку в руках и говорил о реструктуризации долга. Только что улыбочивый и заискивающий перед кредиторами кандидат превратился в жесткого бизнесмена, который не захотел выслушивать мужчину и жестко указал ему на выход. Мужчина что-то пытался объяснить, но его через запасной выход выволокла охрана.

К палатке тянулась бесконечная вереница тех, кому что-то было нужно, и тех, от кого что-то было нужно кандидату. На это невозможно уже было смотреть, и я двинулся дальше.

Вечерело. Город сменили поля, поля сменили леса.

Больше попутчиков не было. Все истории попутчиков были одна краше другой, хоть кино снимай. А может, это действительно было кино, которое мы смотрели с попутчиками. А может, и не было никаких попутчиков, а все истории подсказывало разыгравшееся воображение.

Навигатор предупредил, что рядом последнее место, где можно заночевать: мини-отель у леса. Портье, он же хозяин, уже закрывал входные двери и собирался домой, когда я подъехал. Отель был пуст. Ночью постояльцы редко заезжали. Портье без лишних вопросов дал ключ от номера и уехал домой.

Ночь была прохладная.

С обратной стороны номера была дверь на террасу, выходящую к ручью. В комодике нашелся плед и свечи. Бутылка вина, прихваченная с собой, оказалась кстати.

Непроглядная тьма сомкнулась вокруг. В этой безлунной ночи были только я, огонек от свечи и вино.

День третий

Утро выдалось туманным. Я оставил ноутбук и телефон на столе в номере, машину около отеля: они больше не понадобятся. Надел футболку, джинсы, кроссовки, легкую куртку-ветровку и двинулся прочь.

Оставался последний этап путешествия через лес. Ветви деревьев расступались и смыкались за спиной.

Я шел и размышлял о долгах.

Еще каких-то несколько дней назад я был всем должен. Был должен маме расти хорошим мальчиком, окончить институт, устроиться на работу, жениться, привозить внуков в гости по праздникам, возить маму на дачу поливать цветы. Был должен семье быть надеждой и опорой, чтобы все как у людей, чтобы дом и достаток, чтобы друзья и гости, чтобы шопинг и шторы. Был должен работодателю, чтобы все вовремя и без ошибок, чтобы главное — победа, а не участие, чтобы если в отпуск, то ненадолго. Был должен государству, чтобы хорошо учиться и защищать родину, чтобы увеличивать валовый продукт и вовремя платить налоги, чтобы голосовать за совершенно незнакомых мне людей. Был должен совершенно незнакомым людям, которым не нравилось, как я выгляжу, как кричат мои дети, как я паркуюсь, как я

смотрю на них...

Чем больше я про это думал, тем злее и злее становился. Превратился практически в шар ненависти, который должен был лопнуть и взорвать все вокруг. Но в точке апогея я почувствовал, как гнев и раздражительность начинают струиться по моему телу вниз и через ноги уходят в тропинку, они останутся навсегда в этом лесу.

Тогда я начал передумывать все мысли, которые меня всегда выводили из себя, и как только докапывался до их истоков, они покидали меня и больше не возвращались.

Ближе к концу пути я уже плохо соображал, что происходит. Дело шло к закату. Вокруг сгущался туман, подмораживало.

Наконец лес начал редеть и закончился опушкой, выходящей к реке. Противоположного берега было не видно.

Граница совсем рядом.

На берегу, как и было оговорено, лежала лодка. Рядом был разведен костер, у которого сидел мрачный старец в рубище. Костер уже угасал. Старец шевелил головешки костра посохом.

Я подошел к старцу и молча протянул бабушкину брошь в виде золотой ветки с сардониковыми желудями. Старец посмотрел на брошь, молча кивнул на котомку и на лодку. Я бросил брошь в котомку, но в лодку не пошел.

Подошел к воде. Огляделся. Разделся. Бросил одеж-

ду на камни. Чиркнул спичкой. Затянул полной грудью
сигаретного дыма.

И перешел границу.

II. За границей

Я плыл в полной темноте брассом, потеряв счет времени. По моим внутренним часам давным-давно должен был наступить рассвет и солнце — выкатиться на востоке. Но вместо этого была тьма. И еще липкий туман трогал голову и руки, когда они появлялись из воды. Я совершенно не понимал, туда ли я плыву. Вода то успокаивалась, перекатываясь мелкими барашками, то вскипала, пытаясь залиться в рот и накрыть с головой.

В голове копошились тысячи мыслей о том, что было, о том, что есть, и о том, что будет. Одна мысль более других начала захватывать меня. Она проникла откуда-то изнутри и сперва докучала несильно, но затем охватила меня целиком: «Остановись. Зачем тебе это нужно? Брось это!». Мысли нельзя было отогнать, их можно было только все передумать. Сложно было оставаться в рассудке. Хотя — как понять: ты еще разумен или уже нет?

А потом мысли ушли одна за одной. Вода перестала покалывать тело. Дыхание выровнялось настолько, что я перестал его замечать. По направлению движения стало появляться серое, едва заметное зарево. Ликовать было рано, кажущаяся близость цели всегда обманчива. Прошло еще много времени, прежде чем я стал различать очертания противоположного берега. Берег надвигался, медленно загружая свои текстуры, сшитые туманом.

А потом внезапно я почувствовал под ногами липкую грязь, и река закончилась. Кое-как я добрался до берега и рухнул, едва выйдя на сушу. Все резервы

организма были исчерпаны. Я отключился.

День четвертый

Сначала я ощутил, что кто-то тычется в мои бока. Потом услышал шумное дыхание. Потом почувствовал большой шершавый язык на своем лице и окончательно пришел в себя.

Рядом стояло большое и грозное нечто с высунутым розовым языком. Если это нечто отмыть и вычесать, то оно вполне могло походить на среднеазиатскую овчарку. Значит, где-то поблизости могли быть люди.

Собака выжидательно смотрела.

Я поднялся, отряхнулся, прислушался к организму. Организм никак не реагировал на ночное путешествие.

Я двинулся в сторону собаки. Она повела за собой.

Шли долго холмами с густой травой и редкими деревьями. Солнце никак не хотело освещать местность. Было облачно. Липкий туман вокруг не давал рассмотреть ничего дальше чем на сотню метров. Наконец из тумана начали проступать плодовые деревья. Я сорвал пару яблок и жадно съел.

Вскоре собака остановилась, давая понять, что дальше не пойдет, а мне нужно. Я подошел к собаке и протянул руку. Она услужливо подставила холку. Я

несколько минут старательно чесал ей спину и бока. Когда я собрался идти дальше, собака улеглась набок и подставила пузо. Это задержало меня еще на пару минут.

Пока я чесал пса, глаза привыкли к окружающей местности. В тумане я разглядел очертания дома и загона для скота. После окончания сеанса почесывания я двинулся туда.

На скамье у дома сидел старик. Я не придумал сделать ничего умнее, как поклониться до земли.

Старик пристально посмотрел на меня, встал, пошел в дом и поманил меня за собой. Он отвел меня к умывальнику, дал полотенце. Кое-как под тоненькой струйкой воды мне удалось смыть с себя дорожную пыль.

После водных процедур старик протянул мне белую накидку с капюшоном и пригласил к столу. На столе стояли хлеб, сыр, кувшин. Старик отломил хлеб и подал мне.

«Да благословят тебя Бог и люди», — сказал я и принял хлеб.

Хозяин молча встал из-за стола и вышел.

Я в тишине съел хлеб и сыр, запил напитком, чем-то похожим на айран, и стал ждать хозяина. Хозяин не приходил. Меня начало клонить в сон. Мне казалось, заснуть за столом было бы неприлично, и я прилег на лавку около окна. Там же и отключился.

Ночью мне снился сон:

Мы стояли с ребятами в своем дворе. У кого-то появилась идея забраться на крышу нашего дома. Мы сели

в лифт, но лифт не хотел ехать до последнего этажа, застрял и приоткрыл двери. Кое-как мы выбрались. По номеру квартиры я определил, что мы на девятом. Лестничные пролеты вели себя странно. Кое-где они были осыпавшимися. Кое-где встречались новые стены, которых не должно было быть. На последних нескольких этажах не было лестничных пролетов, пришлось пробираться по наспех собранным металлическим конструкциям. Дверь на чердак была заперта, но оказалось открыто маленькое неприметное окно, ведущее еще на одну лестницу. Я еле протиснулся в окно. За ним были металлические лестничные пролеты, давным-давно проржавевшие и загаженные птицами. Но устойчивые. По ним я попал на крышу. Крыша дома — место достаточно опасное, оно не предназначено для гуляния. Высота под ногами пугала. Но с крыши открывалась невиданная доселе картина. Наш двор представлял собой «коробку» из четырех домов, и теперь я возвышался над этой «коробкой», и за ней полностью открылись длинный высокий дом и огромное солнце, которое он до этого заслонял. Слева за «коробкой» был «новострой» из криво составленных блоков. Он качался на ветру. Строили явно не для людей.

Со стороны большого дома появились самолеты и выпустили ракеты по моему дому. Дом начал крениться набок. Я стал падать на асфальт. За мгновение до падения я проснулся.

День пятый

В доме пахло свежим хлебом. На лавке у входа сидел пацаненок лет шести. Пацаненок увидел, что я проснулся, подбежал, указал на сверток на столе, сказал: «Дед велел его не ждать», — и выбежал.

Просто так уйти, не попрощавшись и не отблагодарив, было нельзя. Я снял отцовскую печатку и положил на стол. Взял сверток, накинул накидку с капюшоном и вышел.

В свертке были хлеб, сыр и несколько монет. «Еду лучше таскать в себе», — подумал я и позавтракал.

На улице солнце все еще еле-еле проглядывало за облаками, тумана уже не было, начинал накрапывать дождь.

Через некоторое время я оказался на распутье. Ни указателей, ни камня с подсказками не было. Богатым и женатым я уже был, поэтому двинулся прямо.

Через некоторое время стало понятно, что дорога ведет в город. Навстречу стали попадаться одинокие путники и пустые повозки. Заканчивался базарный день.

Вдруг впереди на дороге поднялась пыль столбом, послышался гомон. По дороге бежала, спотыкаясь, де-

вушка, а за ней неслась разъяренная толпа. В девушку летели камни и палки, подбираемые на дороге. Толпа настолько осатанела, что уже не осознавала смысла и последствий своих действий. Можно было подумать, что люди гонятся за волком, который перегрыз все стадо, и город обречен на вымирание. Запущенный кем-то из толпы камень попал девушке в голову. Она в очередной раз споткнулась и больше не встала. Толпа настигла ее, в ход пошли палки и ноги. Но девушка уже не реагировала.

Толпа быстро потеряла интерес к неподвижному объекту своего преследования и двинулась обратно.

Девушка лежала посреди дороги в пыли, изо рта струйкой шла кровь. Зрелище было шокирующее. Я подождал, пока толпа скроется из виду, и подошел к девушке, чтобы перенести ее на обочину. Можно только догадываться, чем она заслужила гнев горожан при жизни, но не стоило ее оставлять на дороге, чтобы ее разметали повозки после смерти. У девушки была пробита голова, сломаны ребра, скорее всего, было внутреннее кровотечение. Я аккуратно оттащил ее на обочину, и как раз вовремя. На том месте, где она только что лежала, со скрежетом остановилась повозка. Из нее выскочил молодой человек и бросился к девушке. От того, что он увидел, слезы брызнули из его глаз. Он наклонился над девушкой и осторожно стал гладить слипшиеся волосы, целовать в лоб и что-то шептать. Девушка еле заметно дернулась. Молодой человек с мольбой посмотрел на меня в поисках помощи. Мы отнесли девушку в повозку, молодой чело-

век начал стегать лошадь, чтобы она мчала прочь из города.

Когда повозка скрылась в клубах пыли, я продолжил свой путь в город. Толпа в пестрых одеждах шла мне навстречу: видимо, люди придумали более изощренную пытку для бедной девушки.

Я остановился и отошел немного в сторону, чтобы меня не снесло толпой. Толпу возглавляли здоровяк и мужеподобная женщина с боевой раскраской.

«Амазонка» увидела меня, взревела, стала глотать воздух и тыкать в меня пальцем. Здоровяк с криком «Ах ты...» кинулся в мою сторону, а остаток фразы застрял у него в глотке.

Нелегко терпеть обвинения и обиды за то, чего ты не совершал. Особенно когда на тебя несется разъяренная толпа. У меня не было шансов выяснить, в чем дело и чем я провинился. Я даже не успел раскрыть рот, как получил удар от здоровяка и упал на землю. На меня обрушился град ударов. Я успел перекатиться на живот, поджать под себя ноги, а голову закрыть руками. Говорят, так можно получить меньше повреждений в подобной ситуации. Что ж, били меня босыми ногами, был шанс выкарабкаться.

Чтобы как-то себя занять, я начал вспоминать похожие ситуации, когда был обруган, оболган, наказан за то, чего не совершал. Когда все смотрят на тебя с презрением, к горлу подкатывают слезы, и нет никакой возможности сказать что-то в свое оправдание, потому что все только этого и ждут, чтобы выплеснуть на тебя свою ненависть.

Перед глазами возник урок труда, на котором меня выкинули из очереди к станку, пожаловавшись учителю, что я нагло влез. Учитель наорал на меня. А я-то там стоял с самого начала. А потом вспомнилось, как все девчонки класса собрались меня бить за то, что я обидел младшего брата одной из них. А я был ни при чем, они перепутали. А потом... Потом сознание начало уплывать.

Очнулся я в большой клетке. Я попытался приподняться. На удивление, ничего не болело настолько, чтобы я не смог сесть. Рядом в клетке стоял молодой парень в светлой одежде, который неистово молился.

Я огляделся. Вероятно, мы находились в центре города. Наша клетка стояла на площади между водонапорной башней и бездействующим фонтаном. По краям площади шла бойкая торговля. В главной части площади была сооружен большой свадебный шатер, под которым были накрыты столы с угощениями. Каждый мог подойти и закусить. Рядом стояли ряды стульев и свадебная арка. Тут же неподалеку была жаровня, на которой готовились блюда для свадьбы. Явно в городе был праздник.

Стулья потихоньку начинали заполняться. Туда приглашали явно не всех. По правую сторону садились люди в белых одеждах, по левую — в пестрых. Пока все рассаживались, молодой человек рассказал мне о сегодняшнем событии.

Должна была состояться свадьба: дочь главы белого города выдавали за главу пестрого города. Брак был

неравный, и сама свадьба была сплошной фикцией. Жители пестрого города отличались крутым нравом и держали близлежащие города в страхе. Жители белого города, напротив, были миролюбивыми хлебопашцами и в этом году собрали небывалый урожай зерна. На почве этого у белого и пестрого города разразился нешуточный конфликт, который, по заявлению главы пестрого города, можно было уладить только его женьбой на дочери главы белого города. Никто не был в восторге от этого решения, но противопоставить ему было нечего, иначе город лишился бы зерна и торговли. А прекрасная дочь главы белого города собиралась бежать с юношей, который рассказывал мне эту историю, но их побег был предотвращен. Юноша был изолирован в клетке до окончания церемонии по требованию пестрых горожан.

А почему я нахожусь в клетке и что собираются делать со мной, юноша не знал. Он извинился и отошел молиться в другую часть клетки.

«О чем молишься?» — спросил я юношу.

«О кротости и смирении», — ответил юноша и дал понять, что разговор окончен.

Гости почти собрались, на площади воцарилась тишина, и только был слышан неразборчивый голос священника. В конце речи священник спросил, согласен ли жених взять в жены невесту. По лицу жениха расплылась сальная улыбка, и он согласился. Тот же вопрос священник задал невесте. Твердый и уверенный голос невесты разрезал тишину отчетливым «Нет!».

Первым в себя пришел жених и с криком: «Да как ты смеешь!» — попытался ударить невесту. Но невеста подсвечником рассклала лицо жениха, сорвала с себя юбку от свадебного платья, под которой оказались белые брюки, и исчезла за рядами торговцев.

Горожане в пестрых одеждах взревели и понеслись за девушкой. Никто из жителей в светлых одеждах не шелохнулся.

Как только разъяренная толпа покинула город, жители в белых одеждах стали расходиться. И взвилась буря. Шквал ветра подхватил огонь из жаровни, выплеснул его на склады с урожаем, и некому было потушить огонь.

Сорвавшейся от ветра водонапорной башней, которая могла бы стать единственным спасением, если бы ветер не оказался таким сильным, разнесло угол клетки, в которой мы находились. Юноша выбежал из открывшегося прохода, схватил первую попавшую повозку и помчал за толпой.

Я осторожно выбрался из клетки и пошел в другую сторону, прочь из города, попутно прихватив со стола увесистый ломоть хлеба, сыра и мяса. Кто-то же должен был отпраздновать неудавшуюся свадьбу.

К вечеру я оказался у следующего города. Город был стар и грязен. Нужно было перекусить и где-то остановиться на ночлег.

Я присел на камень, чтобы доесть остатки хлеба и сыра. Тут же из подворотни показалась собака и на-

правилась ко мне. Судя по отвисшим соскам, собака была кормящей, а по ее худобе — в перекусе нуждалась не меньше моего. Она не дошла нескольких шагов и вопросительно уставилась на меня, в любой момент готовая дать деру. Я отломил хлеба и сыра. Собака не подходила. «Значит, не так уж ты и хочешь есть», — сказал я. Собака пересилила страх, взяла из руки хлеб, отбежала на несколько метров и начала его жадно жевать. Потом подошла снова, взяла сыр и снова отбежала. В третий раз она подошла, обнюхала пустые руки, разрешила себя почесать за ухом и убежала.

Стало уже совсем темно. Я огляделся вокруг. В домах не было огня. Единственным местом, где горел свет, было небольшое двухэтажное здание. На нем же светила вывеска.

Я зашел и оказался в центре пьяного угара. Дым стоял коромыслом, за столами пили и играли в азартные игры. Я аккуратно, чтобы никого не задеть, прошел к барной стойке и спросил комнату для ночлега, показывая две монеты. Хозяйка шалмана показала один палец, давая понять, что достаточно одной. Я положил монету на стойку. Монету накрыла большая волосатая рука подошедшего здоровяка.

«Нет. Сначала ты будешь играть. Чтобы здесь остановиться, тебе должно чертовски фартить», — сказал здоровяк. Он взял монету и поманил меня к столу, где шла игра в кости. Ну как — игра? Он всех ободрал как липку. Рядом с ним лежала гора монет, остальные участники сидели ни с чем. Он жестом освободил мне стул и двинул кости.

Ну что, делать нечего — я метнул кости. Выпало 7. Здоровяк взревел, и количество моих монет увеличилось.

Следом метнул здоровяк. Вторая кость встала на ребро и нехотя перевалилась в мою сторону. Выпало 12. Здоровяк взревел еще раз и удвоил количество моих монет.

«Какая интересная игра, — сказал я. — Правила мне до конца не ясны, но я хотел бы ее прекратить».

«Играй», — взревел толстяк и подвинул кости.

Я кинул кости. Выпало 11. Глаза здоровяка налились кровью, он начал подниматься из-за стола. Я отчего-то сразу понял, что опять выиграл, а судя по тишине, повисшей за столом, такого себе здесь не позволял никто.

Одной рукой я подвинул кости здоровяку, а второй, вставая, зарядил в челюсть снизу. Это был хороший, но недолгий нокдаун. Я успел схватить выигранные монеты и ретироваться через черный ход, который я заприметил, прежде чем за мной началась погоня.

Искали всю ночь с факелами и вилами. А я лежал под крыльцом в пятидесяти метрах от таверны. Всех, кто приближался, облаивала собака. Рядом лежали щенки.

День шестой

Ко мне пришел сон.

Я находился в квартире, где жил в детстве, — на восьмом этаже двенадцатизэтажного дома.

В дверь позвонили. В глазок было видно, что это чужие люди, и я не стал открывать. Через некоторое время замок в двери начал поворачиваться, и дверь приоткрылась. Я со всей силы захлопнул дверь и стал крутить все замки. Это не помогло. Дверь не запиралась. Не помогли цепочка и шпингалет. Я побежал в большую комнату, затем на балкон. Ничего не оставалось, как спускаться по балконам вниз. На удивление, спуск дался достаточно легко. Внизу я бросился в сторону забора, ведущего на радиополе. Странно, что в заборе отсутствовал целый пролет. Через дыру вела тропинка на противоположную сторону поля. По ней я вышел в центр Москвы с большими сталинскими домами. Вокруг шли люди по своим делам. И я пошел по своим.

Это последнее, что я помнил, когда проснулся.

Я осторожно вылез из-под крыльца. Солнце было достаточно высоко, но город спал. Я прокрался в таверну. Было пусто. Валялись бутылки, стулья были перевернуты. Никто не собирался убраться. В подсобном помещении я взял чистую пеструю накидку и снял

свою. Свою накидку я поджег и положил под деревянную стойку с бутылками. После чего тихо выскользнул из таверны и пошел вон из города дворами и огородами. Может быть, и не стоило красться, город казался пустынным, но береженого бог бережет. Своей проделке я не радовался. Может быть, у людей найдется чем еще заняться кроме постоянных пьянок.

Когда я был далеко, над центром города поднялся сизый дым. Я приближался к лесу.

Лес был лиственный. Обычный лиственный лес средней полосы России. Деревья не теснились друг к другу, идти было легко, как по тропинке. Но конца края лесу не было. А хотелось бы понимать, куда и сколько еще идти. В самом деле, не на дерево же лезть, чтобы осмотреться? Так думал я первый час, а потом полез. Ничего, кроме бесконечного леса вокруг, я не увидел, но, уже слезая, заметил внизу любопытную сценку.

По лесу шли молодой человек и девушка в белых одеждах. Девушка пела. На голове у нее был венок. Молодой человек шел рядом и смотрел на девушку влюбленными глазами. Так и шли. Даже за руки не держались. Такова первая влюбленность и идиллия. Молодой человек попросил отлучиться за дерево, якобы за ягодами, а там уж кто знает, зачем.

Но когда он отошел, раздался топот копыт, и на дороге выехали несколько наездников. Началась их перепалка с девушкой. Явно она ушла куда-то без спросу.

Наездник постарше сказал что-то грозное, втащил

девушку на лошадь и посадил перед собой. Девушка сопротивлялась, но так, для порядка. Наездники тронулись.

В это время из леса выбежал молодой человек с корягой наперевес и попытался выбить из седла второго всадника. Всадник вовремя пригнулся, перехватил длинную палку, которая висела около его седла, и врезал по лбу зазевавшемуся юноше. Оглушенный юноша обмяк. Наездник спустился, забросил его поперек крупа лошади, вскочил сам и поехал догонять первого всадника.

Вечерело. Я вышел к небольшому лесному озеру и решил искупаться. Вода была прозрачна, вокруг не было ни души. Я зашел в воду, и ледяная вода обожгла тело. Чем глубже я заходил, тем спокойнее становилось. Мысли стали упорядочиваться, тревоги и вопросы — отпускать. Я нырнул с головой, вынырнул и быстро поплыл. Тело начало согреваться. Уже ничто не занимало меня, кроме воды и плавания.

Когда я вышел на берег, облака разошлись, и над лесом появилась большая полная луна. На озеро легла лунная дорожка. Какое прекрасное место, пожалуй, здесь стоило заночевать.

В ночи прозвучал долгий заунывный вой волка.

Я обтерся, собрал хвороста, разжег костер, устроился поудобнее и уснул.

III. Рубикон

В детстве кажется, что время течет медленно. Чем старше становишься, тем быстрее пролетают дни. Это происходит с каждым. Все дело в устройстве человеческого мозга, который оперирует повторяющимися шаблонами — паттернами. Если человек видит что-то много раз, то мозг перестает замечать детали и достраивает образ по тем картинкам, которые он уже видел. Чем человек старше, тем больше повторяющихся картинок. Мозг не обрабатывает новой информации, и дни превращаются в набор повторяющихся картинок. Ничего нового.

Одному кажется, что он живет скучную и однообразную жизнь, а другой вместо одной жизни может проживать все новые и новые, просто сменив работу, место жительства, окружение и начав все сначала.

Единственный способ не заскучать — все время заниматься чем-то новым или путешествовать, чтобы постоянно видеть новые и новые картинки.

Именно поэтому отпуск в четыре дня кажется больше, чем целый месяц работы. Ты успеваешь открыть для себя целый мир, а на работе даже не заметили, что тебя не было.

И неважно, где путешествовать, главное, чтобы картинки все время менялись.

Лучше всего, конечно, путешествовать за границу.

День седьмой

Ночью мне снился сон.

Я оказался в уютном красивом месте. Вокруг мраморной беседки стояли вековые ели. В беседке со мной говорил мужчина в белом халате:

«Куда же вы, батенька, собираетесь?»

«Мне нужно срочно идти!» — отвечал я. — Дела не ждут!»

«Не нужно спешить, отдохнете тут пару неделек, придете в себя», — говорил доктор.

Голос его был спокоен и бесстрастен. Я же, наоборот, очень спешил, но совершенно не зная куда. Просто мне нужно было спешить.

«Нет, мне нужно идти!» — упорно твердил я.

И тут я наконец-то начал соображать, что нахожусь в парковой зоне психиатрической лечебницы и доктор действительно прав: мне пора остановиться и отдых мне только на пользу.

Я остановился, попытался расслабиться, посмотреть вокруг и прислушаться к себе. Из-за елей выглядело солнце. Все говорило о том, что это тихое и спокойное место, в котором следует остаться.

Я сел на скамейку, зажмурился от солнца, проглядывающего из-за ветвей, и подумал: «Нужно оставаться».

Я открыл глаза, но вставать совершенно не хотелось. Ласковые лучи солнца согревали каждую клеточку тела. Голова сладко кружилась, как от вина. Мысли вяло текли.

Собственно, куда я и зачем или отчего иду? Что мне не нравилось там, откуда я, и что хочу обрести там, куда я иду?

Там, откуда я шел, не происходило ничего нового уже давно.

Там, в детстве, откуда все родом, можно было выйти из дома, увидеть, как прекрасно солнце, как набухают почки на весенних деревьях, как первая капель бежит по веткам и сок вперемешку с водой переливается на солнце всеми цветами радуги, и на вкус он слаще меда. Как на пяточке у дома появляется первая проталина над тепловой магистралью, и на открывшемся кусочке земли уже можно играть в ножички. Спешить некуда и незачем. Впереди целый день, половина учебного года. Пятый класс.

А потом сразу институт. Ты идешь по Серебряному бору, но уже отнюдь не красотами природы заняты твои мысли, ты мечтаешь лишь об одном — скорее бы вернуться домой, чтобы выспаться. Да, это божественно прекрасно! Но нужно писать лабораторные работы и курсовик.

А потом сразу работа. Утром уходишь на работу, пока еще темно. Вечером возвращаешься с работы, когда уже темно. Красоты просыпающейся природы превращаются в проблему: не наступить в грязь, не измазать брюки и не сильно загрязнить ботинки.

А потом ты останавливаешься и видишь, как все то же солнце отражается в каплях на все тех же ветках. Застываешь на секунду, чтобы полюбоваться, и бежишь дальше, потому что нужно бежать. Кому нужно? Зачем нужно? Картинка смазывается.

И вот ты остановился. Вокруг тебя леса и поля, перед тобой река и с тобой то самое забытое чувство красоты от того, что ты здесь и сейчас. Оно появилось не от того, что ты прибежал, нет. Оно всегда было здесь. Оно появилось от того, что ты перестал бежать и застыл. Красота внутри тебя начала наполнять все вокруг.

Я забыл, куда я иду, зачем я иду. И так было хорошо. Я разделся и поплыл по озеру. В кустах квакали лягушки, ветер гнал ряску. Вода была теплая и прозрачная. Сквозь толщу воды были видны пальцы ног и дно.

Каждый гребок наполнял новой и новой силой. Солнце припекало. Я вылез на берег и развалился на накидке, подставляя солнцу бока.

Куда я иду? Туда, где люди счастливы, нет равнодушия, зла и войн. Где триста шестьдесят дней в году солнце, а не полгода зима. Где утром ты просыпаешься не от того, что нужно куда-то бежать, а для того, чтобы улыбнуться солнцу и приготовить чашку ароматного кофе. Сесть в удобное кресло на балконе и, подставив улыбку солнцу, потягивать кофе и махать проходящим соседям. К обеду прийти в кафе и заказать густой томатный суп со свежим лавашем. За обедом перекинуться парой фраз с соседями, обсудить погоду, собы-

тия города и планы на ужин. На ужин собраться всем вместе в таверне, праздновать прошедший день, пропустить по стаканчику, закусить свежим мясом и хлебом. Петь у костра. А потом идти домой, ложиться спать и вступать в новое утро, такое же теплое, как и прошедшее, такое же мягкое и доброе.

Мое тело наполнилось совершенным счастьем от того, что я обрел и еще могу обрести. Пониманием, что мое счастье во мне. И теперь куда я пойду — там и будет мое счастье.

Время остановилось. Были только яркое солнце, теплое озеро, зеленый лес и я — венец природы, ради которого все здесь и было создано.

Мысли вытекли из головы. Я стал единым целым с окружавшим меня местом.

Солнце еще припекало, но дело шло к вечеру. Из леса подул легкий ветерок, и в мой разум стало что-то пробиваться извне. Я с трудом разобрал протяжный заунывный вой волка. Он совершенно не вписывался в идиллию. Чем дальше, тем противнее и навязчивее он звучал, как звук будильника на телефоне, до которого нельзя дотянуться.

Это было совсем невыносимо. Нужно было что-то делать. Я пытался приподняться, но не мог этого сделать: тело обмякло и не слушалось меня. Собрав все оставшиеся силы, я повернулся набок и скатился в воду. Вода привела меня в себя. Она уже не казалась такой теплой, как сначала. Я нырнул и нащупал на дне ледяной ключ, бьющий из-под земли, который меня

окончательно вытряхнул из состояния неги. Я выбрался на берег, схватил одежду и быстро пошел в лес. На холме я остановился. Вид с холма на озеро был уже не столь романтичным, но все же звал спуститься и остаться.

Усилием воли я развернулся и пошел в лес на вой то ли волка, то ли собаки. Мне казалось, что этот вой был для меня.

Долго ли, коротко ли я ходил по лесу, но вышел к опушке, где на поваленном дереве сидел пастух. Все тропинки сходились к нему. Мимо него никак нельзя было пройти, и я подошел.

«Здорово, отец, — говорю, — твоя собака воет?»

«Моя», — сказал пастух, не отрывая взгляда от земли.

«А чего воет-то?», — спросил я.

«Тебя ждет», — ответил пастух.

Я посмотрел вокруг, не увидел никакой собаки, как и стада овец, которое охранял пастух.

«А где же она?» — удивился я.

«Дождалась», — ответил пастух, и вой прекратился.

Пастух сухими костлявыми пальцами сделал самокрутку, показал на нее и спросил:

«Закуришь?»

«Откуда знаешь, что буду?» — спросил я.

«Все там будем», — ответил старик, но самокрутку не отдал. Он поджег самокрутку и начал меня окуривать, что-то приговаривая шепотом. Когда он закончил, то так же, шепотом, произнес: «Теперь можно».

После чего набрал полные легкие дымом и протянул мне самокрутку.

Я нагнулся, и старик выпустил клубы едкого дыма мне в лицо. Казалось, что он давно уже должен был все выдохнуть, но дым все шел и шел, окутал меня с головы до ног, начал проникать в меня.

Сознание стало угасать и уплывать.

День восьмой

Я пришел в сознание и ощутил себя идущим сквозь смог. Дым был такой густой, что не было видно даже рук. С разных сторон раздавались звуки большого города: гомон людей, звуки машин, звонок трамвая, но ничего этого не было видно, все только дорисовывало мое воображение.

А воображение дорисовывало неприятные вещи. Вот на бешеной скорости в каком-то полуметре от меня пронесся гоночный болид с прямотоком. Вот где-то совсем рядом со скрежетом затормозил поезд, и запахло горелым. Вот куда-то с гомоном пронеслись школьники, и раздался глухой удар и крики. Вот раздался визг девушки, полный страха и ужаса. Все картинки достраивались до страшных образов и, не успев достроиться, менялись на следующие.

Я пытался бежать, но воздух сковывал меня так плотно, как будто я шел в воде. Потом мне перестало хватать воздуха, и я стал задыхаться. В последний момент я вспомнил, как обычно выбирался из ночных кошмаров: закрыл глаза и трижды перекрестился.

Когда я открыл глаза, вокруг не было ни смога, ни смрада, ни большого города.

Все те же пейзажи, которые снова проглядывали сквозь густой белый туман: поля, леса, холмы, неподалеку фруктовый сад и дом.

Я подошел к дому и окликнул хозяев. Никто не отозвался. Я позволил себе наглость войти в дом. Дом был грязный, но жилой. На столе валялась черствая горбушка хлеба. Я схватил ее и начал жадно жевать. В этот момент я обратил внимание на свои руки: они были сухие и жилистые. Я обернулся к зеркалу. Из зеркала на меня смотрел старик с белыми всклокоченными волосами и бородой. Старик несколько минут внимательно смотрел на меня. В нем было что-то неуловимое от меня прежнего, от того меня, который пошел за границу.

Наверное, я пришел, куда шел, и не заметил, и не запомнил как. Скорее всего, это был мой дом, только сильно запущенный, с той самой верандой, которую я хотел. Я догрыз корку хлеба, запил водой из кружки. Теперь некуда было идти. Я обошел дом, заглянул в кладовку и холодильник. В кладовке стояла мука, зрел овечий сыр. Видимо, у меня были овцы. На полу стояла большая бутылка вина. В холодильнике — яйца, сыр, молоко. Небогато, но прожить можно.

Я сперва подумал, что не знаю, что делать, но потом понял, что знаю. Замесил хлеб и поставил в теплое место. Потом начал уборку. Смахнул тряпкой в руку всю грязь со стола — пойдет овцам. Взялся за метелку и совок и начал убираться. Когда дом был приведен в более-менее божеский вид, я разжег печь, согрел воды и пошел мыться во двор. Яичным желтком промыл

волосы. Смыл с себя всю грязь, насухо вытерся и оделся во все белое и чистое. Когда дрова прогорели и тесто подошло, я поставил в печь хлеб. По моим ощущениям, хлебу печься нужно было полчаса. Уставший, я вышел наружу и сел в кресло-качалку. Стал покачиваться и пытаться разглядеть что-нибудь сквозь туман. Вон видны очертания овчарни. Вон видны плодовые деревья. А вон кто-то идет по дороге по направлению к моему дому.

К дому подходил мужчина средних лет. Он был явно нездешним. На нем были одни трусы, и зубы стучали от холода.

«Добрый вечер», — сказал мужчина, собрав последние силы.

«Заходи, гостем будешь», — весело сказал я.

Провел мужчину к умывальнику, дал чистое полотенце и велел подходить к столу после того, как он приведет себя в порядок.

Пока я ждал путника, я достал из печи хлеб, сыр из холодильника, налил кувшин вина и сел за стол.

Путник вернулся и робко застыл в дверях. Я жестом предложил ему сесть и показал на еду. Путник с жадностью набросился на еду и питье и принялся рассказывать историю того, как он очутился у моего дома. Я слушал вполуха, потому что уж кто-кто, а я-то знал, как он здесь появился. А вот он свою историю привирал и приукрашивал на ходу, а потом и вовсе заврался. Гость очень быстро захмелел, и язык его начал заплетаться. Хотелось уйти, но как хозяин я не мог выйти из-за стола, пока гость не наестся досыта. Через

какое-то время гость начал рассказывать, какой он важный человек и что его уважают в его городе, и какая большая честь для меня принимать его у себя дома. К счастью, мы не дошли до стадии «Ты меня уважаешь?», потому что гость заснул прямо за столом.

Я уложил его на лавку у окна, прибрался и вышел на террасу. Сквозь туман очень тускло пробивалась луна. Пожалуй, это не мой дом. Пожалуй, теперь я знаю, куда мне идти.

Я вернулся, собрал гостю сверток с едой на утро, потушил свет и вышел в ночь.

День девятый

Я шел всю ночь не смыкая глаз.

Туман развеялся, на небе светились звезды и луна.

Я дошел до камня на распутье. От камня шли четыре дороги — налево, направо, вперед и назад. Дороги были хожены и перехожены вдоль и поперек. Каждый, как только выбирал дорогу, начинал действовать по чьему-то давным-давно составленному сценарию. Менялись исполнители, менялись роли, менялись нюансы, но общая канва была всегда одна и та же.

На траву легла роса, и в свете луны появилась еще одна дорога — пятая. Она не имела четких границ, только направление. И я пошел в направлении луны.

Я дошел до коттеджного поселка. Забор был невысокий, но домов было не видно. Ворота были закрыты. У входа сидел охранник лет пятидесяти. Он посмотрел на меня, сверился со списком и спросил угрюмо: «Ключ есть?».

Я пожал плечами.

Охранник покосился на ключ, лежащий рядом с ним, и продолжил: «У меня есть запасной, но просто так он тебе не достанется».

Я вновь пожал плечами.

«Сыграем на ключ? — предложил охранник, доставая из ящика нарды. — Выиграешь — ключ твой».

«А проиграю?» — уточнил я.

«А проиграешь — станешь охранником», — засмеялся мужичок.

Внешность охранника выдавала в нем бывшего военного. Причем не самого высокого офицерского чина: шутки и ухватки его годились для человека, к которому каждый год приходят новобранцы, и новых шуток придумывать не нужно, потому что старые и так хороши.

Охранник поймал мой взгляд, полез в тумбочку, достал шахматы и карты.

«Ну же, давай, развей мою скуку, — говорил охранник, — или тебе слабо?» — нажал он на самую большую мозоль дворового мальчишки.

«А если я не буду играть, пропустишь?» — задал я вопрос в лоб.

Охранник насупился, встал и протянул ключ со словами:

«Так забирай. Мог бы и уважить».

Это было произнесено настолько театрально, что я даже захлопал. Отрепетированная уловка безысходности не удалась. Я сделал вид, что беру ключ, но в последний момент так же театрально указал охраннику на ворота, приглашая его открыть их самому.

Охранник с нескрываемым сожалением сам открыл ворота и впустил меня. Не успел я зайти, как за спиной раздался скрип несмазанного железа и звонкий удар дверцей о другую дверцу.

Пока звон висел в воздухе, я осмотрелся по сторонам. Далеко было не разглядеть. На территории поселка не было света. Свет горел только в небольшом магазине, стоявшем неподалеку от входа.

Рядом с магазином сидел грязный всклокоченный джентльмен. О том, что это джентльмен, я догадался сразу по его некогда опрятному костюму. Джентльмен со всей учтивостью окликнул меня:

«Эй, поди-ка сюда!»

Я подошел.

«Угости-ка дедушку», — властным голосом и с мольбой в глазах сказал он.

«Ничего себе место, — подумал я, — не успел прийти, а уже опять всем должен».

От джентльмена несло двухнедельной нестираной одеждой и перегаром сивушных масел, я было хотел с ним заговорить, но передумал и вошел в магазин.

Магазин внутри был гораздо просторнее, чем казался снаружи. В нем умещалась пара прилавков и скукающая продавщица за одним из них.

Увидев меня, продавщица расплылась в хищной улыбке.

«Ну наконец-то, — сказала она, — сколько можно ждать, пойдём!»

«Вот это сервис», — пронеслось у меня в голове.

Продавщица вышла из-за прилавка, взяла меня за руку и повела в подсобку. Тут была полутьма, свет не горел. В углу стоял большой металлический шкаф со светящейся в темноте, вытертой от времени надпи-

сю: «Светлый путь». В шкафу располагались электрические кабели и рубильники.

«Вот, ты должен починить это!» — сказала продавщица и пощелкала рубильником.

«А и точно, — подумал я, — я же тут всем заранее должен».

Я пытался разглядеть содержимое шкафа, но мне мешало горячее дыхание продавщицы и бюст, упирающийся прямо в локоть. От нее веяло животным желанием размножиться, а это здорово мешало сосредоточиться.

«Знаете что?» — зло сказал я.

«Что?» — с вызовом спросила продавщица.

«Нет ли у вас фонарика?»

«У меня все-таки магазин!» — сказала продавщица и через минуту вернулась с фонариком.

Я начал водить светом фонарика по внутренностям шкафа и быстро понял причину неисправности. Одна из клемм рубильника была откручена, и из нее был выдернут провод.

Я выключил рубильник, вооружился отверткой, заботливо оставленной на верху шкафа, прикрутил кабель, проверил на всякий случай все соединения и включил рубильник. Свет в подсобном помещении зажегся.

«Вы мой герой! — завершала продавщица. — Как же вас отблагодарить?»

«Как любого мужчину, меня интересует только одно, — сказал я, возвращаясь в помещение магазина. — Мне нужна чекушка водки, только вот... — я похлопал

себя по карманам, — у меня нет с собой денег».

«Ой, даже не знаю, — кокетливо сказала продавщица, ставя чекушку водки на прилавок, — водка стоит целую монету, и ремонта света здесь, конечно, недостаточно». Продавщица задумчиво посмотрела в потолок, прикусив мизинец, и продолжила, передразнивая меня: «Знаете что? Сделайте со мной то, что, я уверена, вы умеете делать даже лучше, чем чинить свет, и мы в расчете!»

«Лучше всего, — ответил я, нащупывая монету в складке одежды, — я умею не соответствовать чужим ожиданиям». С этими словами я положил монету на прилавок, забрал водку и вышел.

Вообще-то я предполагал дать джентльмену водку в обмен на то, что он мне покажет, куда идти во тьме, но это было уже не нужно. Свет освещал весь поселок, и я отдал чекушку просто так.

Удаляясь в сторону домов, я подумал, что, скорее всего, свет в поселке тоже был завязан на рубильник в металлическом шкафу. А поскольку свет погас не случайно, то его наверняка довольно часто ходит чинить мужская часть населения поселка. Просто в этот раз я всех опередил.

Передо мной лежали ровные улочки с симпатичными домами. Улочки были покрыты совершенно разномастным материалом, да и сами дома не были похожи один на другой: были совсем древние, возведенные еще в первую волну распределения дачных участков, были и новые фешенебельные дома-замки в пять эта-

жей. Точного адреса у меня не было. Оставалось ходить по дворам и смотреть, что творится в домах.

Вот дом, в котором за обеденным столом большая семья садится ужинать и глава семьи произносит тост. Вот дом, в котором школьники делают домашнее задание, пытаясь одновременно писать в тетрадь и смотреть телевизор. Вот дом, в котором темно, но его окна озаряются вспышками: там кто-то играет на игровой приставке. Вот дом, в котором читают книжки, вот — играют на гитаре и поют, вот — коротают вечер за кухонным столом с телефонной трубкой в руках.

Много-много жизней происходит за каждым окном в этот вечер, нужно только выбрать свою.

Наконец я останавливаюсь между двумя домами. Слева вход в таунхаус на две семьи, справа — огромный трехэтажный дом с гаражами. Пришло время выбирать, куда зайти. Но как выбрать?

У большого дома большой гараж и лужайка с подстриженными деревьями и цветником. Всегда в таком хотел жить. У таунхауса красивая ухоженная клумба с цветами и небольшой сарай с неубранными инструментами и досками. Всегда хотел такой сарай.

Я бы еще походил, но время поджимает. Пора делать выбор. Выбор не может быть половинчатым. Выбор — это как аверс и реверс, одна из сторон монеты, никаких вставаний на ребро и зависаний в воздухе. Либо делаешь выбор, либо нет. Всегда в момент выбора хочется, чтобы кто-то другой снял с тебя груз ответственности и сделал его за тебя.

Словно слушая мои мысли, на брусчатке между домами в свете луны блеснула монета. Я поднимаю монету, тщательно обтираю, собираюсь с мыслями и бросаю в воздух щелчком большого пальца. Решение я принимаю, пока монета еще крутится в воздухе. Я знаю точно, чего я хочу больше.

Главное, решившись, никогда и ни при каких обстоятельствах не жалеть о случившемся. Я забираюсь на крыльцо таунхауса по каменной лестнице. В окно дома видно, как молодая женщина сидит у камина с бокалом вина и гладит кота. Рядом за столом сидит мужчина с кружкой пива и листает газету.

Я выдыхаю, дергаю ручку двери и переступаю порог. В глаза мне бьет яркий свет.

Эпилог

Последнее, что я запомнил, — это белое просторное освещенное помещение и громкий голос: «Поздравляю, у вас мальчик».

Все смешалось в моей голове, и я заревел.

05.2019

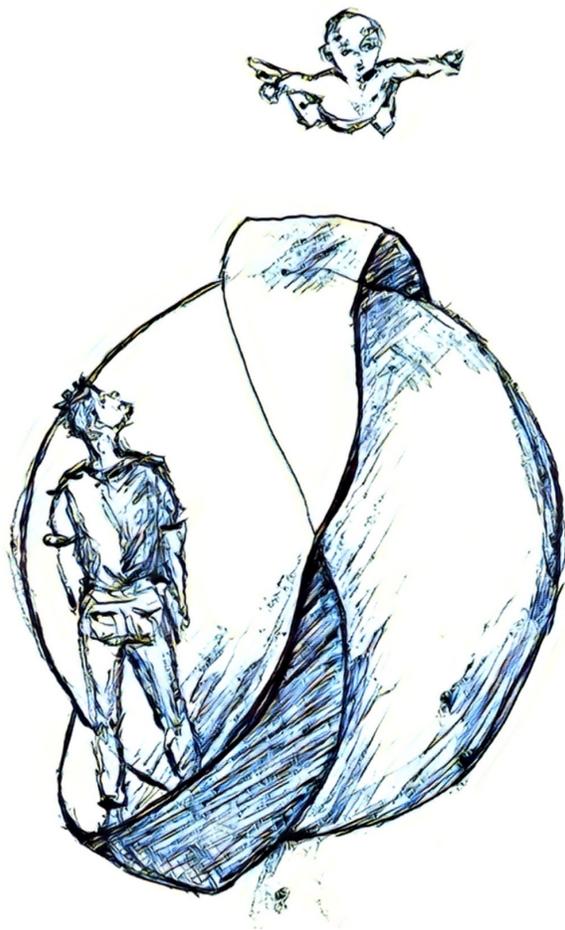

Иллюстрация (с) Julia Kniksen

Оглавление

I. За границу	5
День первый	9
День второй	13
День третий	21
II. За границей	25
День четвертый	29
День пятый	32
День шестой	40
III. Рубикон	43
День седьмой	46
День восьмой	52
День девятый	56
Эпилог	62

Кондрей Андратенко

За границу

Иллюстратор Julia Kniksen

Кондрей Андратенко приглашает вас в путешествие за границу.

Люди вокруг могут об этом бесконечно говорить и уезжать или говорить и не уезжать, но сам ты будешь слушать об этом вполуха и задумываться лишь изредка. И вдруг, без всякого предупреждения, приходит осознание: все, что ты собирался здесь сделать, ты сделал, и нет никакого смысла оставаться. С этого момента и начинается путешествие за границу.

ISBN 978-5-0050-0248-8

9 785005 002488 >